
АНТРОПОЛОГИЯ БУДУЩЕГО

УДК 314+36+39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/7-19

Научная статья

© А. Л. Андреев

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ: СВЯЗЬ ПРОШЛОГО, НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО*

Статья посвящена таким особенностям российской ментальности, как восприятие стрелы времени и представления о том, какой страна должна стать в будущем. Эмпирической базой исследования послужили результаты социологических опросов, проводившихся начиная с 2000 г. различными исследовательскими центрами и научными коллективами. Как отмечает автор, среди тех качеств, которыми в идеале должна обладать Россия будущего, большинство россиян называют социальную справедливость, преодоление коррупции, смягчение социальных неравенств, переход к инновационной экономике, укрепление международных позиций страны. Большое внимание в статье уделяется вопросу о том, как образы будущей России связаны с парадигмой цивилизационного развития и содержательными характеристиками российского глобального проекта. В этом контексте автор характеризует российский путь как традиционалистскую модернизацию, показывая при этом, что социально-историческое целеполагание в российской ментальности не противопоставляет традиции идее прогресса, а использует их как основу для дальнейшего развития (реактуализация традиций).

Ключевые слова: *стрела времени, образы будущего, российская цивилизация, российская ментальность, парадигма развития*

Ссылка при цитировании: *Андреев А. Л. К характеристике современной российской ментальности: связь прошлого, настоящего и будущего // Вестник антропологии. 2023. № 4. С. 7–19.*

Андреев Андрей Леонидович — д. философ. н., главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (109544, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, стр. 5), профессор НИУ МЭИ. Эл. почта: sympathy_06@mail.ru

* Статья выполнена в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023–2025 гг. (руководитель академик РАН В. А. Тишков). Проект «Образы России: проектирование будущего» (FMNU-2023-0002).

UDC 314+36+39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/7-19

Original article

© *Andrey Andreev*

ON THE MODERN RUSSIAN MENTALITY: THE CONNECTION BETWEEN THE PRESENT AND THE FUTURE

The article is devoted to such aspects of Russian mentality as the perception of the arrow of time and the idea of what the country should become in the future. The empirical basis of the study was the results of sociological surveys conducted since 2000 by various research centers and research teams. As noted in the article, among the qualities that Russia of the future should ideally possess, most Russians mention social justice, overcoming corruption, mitigating social inequalities, transition to innovative economy, strengthening the country's international positions. The article makes an emphasis on the way the images of the future Russia are connected with the paradigm of civilizational development and the content of the Russian global project. In this context, the author characterizes the Russian way to future as a traditionalist modernization, while showing that modern Russian traditionalism does not oppose the idea of progress, but uses traditions as a basis for further development.

Keywords: *arrow of time, images of the future, Russian civilization, Russian mentality, Russian model of development*

Author Info: **Andreev, Andrey L.** — Dr. Sc. (Philosophy), Chief Researcher, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); Professor, National Research University “Moscow Power Engineering Institute”. E-mail: sympathy_06@mail.ru

For citation: Andreev, A. L. 2023. On the Modern Russian Mentality: The Connection Between the Present and the Future. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 7–19.

Funding: The research was carried out within the Program of fundamental and applied scientific research “Ethnocultural Diversity of Russian Society and Strengthening of the All-Russian Identity”.

Особенности восприятия стрелы времени

Если образы будущего выступают в качестве мотивирующих социальное поведение целевых причин (не случайно возникло сравнение таких образов с роком, определяющим нашу судьбу) (Urry 2016), то субъективное переживание течения времени может рассматриваться как одна из характеристик цивилизационной идентичности. Например, сформировавшееся в Европе на заре Нового времени линейно-векторное понимание времени как направленной последовательности «точек»-мгновений (стрела времени), принципиально отличается от хронотопов китайской ментальности, для которой связь прошлого, настоящего и будущего осуществляется, главным образом, посредством самоповторения неких архетипических образцов (Просеков 2020). Однако и в рамках европейской культурной традиции восприятие модальностей времени (прошлое, настоящее, будущее) может варьироваться, отражая как

меняющиеся исторические обстоятельства, так и ментальные константы, характеризующие различные этнические общности и социальные группы. Например, интересные, побуждающие к дальнейшим размышлениям различия были в своё время выявлены в результате сопоставления эмоциональных ассоциаций с понятиями «прошлое», «настоящее», «будущее» у российских и немецких респондентов (Российский независимый институт социальных и национальных проблем, Институт демоскопии в Алленсбахе, 1999–2000 гг.). Примерно 90% российских участников опроса отметили, что слово «будущее» вызывает у них преимущественно положительные эмоции, тогда как в динамично развивавшейся и намного более благополучной в те годы Германии соответствующий показатель составил только 82%. Отметим, что «прошлое» и «настоящее» россияне тоже оценили достаточно высоко, но всё-таки ниже, чем «будущее» (84 и 74% позитивных ответов соответственно) (Аналитический доклад 2000). Позднее, когда ситуация в России стабилизировалась, а уровень благосостояния населения значительно вырос, наличное положение дел в стране стало восприниматься с возрастающим оптимизмом, и, соответственно, разрыв между показателями, характеризующими психологические реакции на понятия «настоящее» и «будущее», сократился. Но, тем не менее, он не исчез, поэтому, когда мы говорим, что Россия — это страна, устремленная в будущее, не следует видеть в этом лишь красивую, но претенциозную и к тому же избитую метафору.

Цивилизационные ориентиры и образы желаемого будущего

Как известно, в течение по крайней мере трёх столетий будущее России проектировалось в основном по западным образцам. И хотя еще в первой половине XIX в. целый ряд русских мыслителей обосновывал иные проекты будущего, которые были ориентированы на осмысление, поддержание и развитие аутентичных собственно российских традиций, ориентация на эти образцы оставалась доминирующей. Такая тенденция с определёнными оговорками сохранялась и в советское время. Стремление во что бы то ни стало «присоединиться к цивилизованному миру» достигло сильнейшего эмоционального накала, побуждая государственных деятелей конца 1980-х — начала 1990-х гг. разминать национальные интересы страны на ни к чему не обязывающие декларации и символические жесты одобрения со стороны представителей американской и западноевропейской финансово-политической элиты. Однако к концу 1990-х гг., по мере того как мифологизированные образы Запада в сознании россиян стали вытесняться жизненными уроками, основанными на реальных впечатлениях, волна прозападных настроений стала быстро спадать, а в общественном сознании всё больше утверждалась мысль, что стратегия заимствований является неэффективной, и вообще — «надо жить своим умом». В настоящее время, согласно исследованиям ФНИСЦ РАН, более 82% россиян считают, что политика России должна быть направлена в первую очередь на развитие собственного государства и налаживание сотрудничества с ближайшими соседями, не заботясь о том, как мы при этом выйдем в глазах Запада (ФНИСЦ РАН, март 2023). «Западничество» как специфический комплекс умонастроений, конечно же, не исчезло, но сфера его влияния значительно сузилась, что отразилось и на представлениях о «хорошем обществе». Наиболее распространены прозападные умонастроения в самой младшей по возрасту когорте респондентов, по сути дела не имеющей достаточного

жизненного опыта: среди них мнения по поводу того, должна ли Россия жить по западным правилам, или же западный образ жизни у нас никогда не привьётся, распределяются почти поровну. Однако после 25–26 лет соотношение этих полярных мнений меняется на противоположное. В целом же количество граждан, убежденных в том, что у России свой собственный — самобытный — путь развития, по результатам всех проводившихся после 2000 г. опросов неизменно кратно превышало число их оппонентов-западников.

Соответственно усиливающемуся запросу на укрепление национального суверенитета реформировались и представления населения о желаемом будущем. В своей трактовке «хорошего общества», в своих запросах и понятиях о должном россияне проявляют значительную меру своеобразия, что обусловлено как давними историческими традициями, так и коллективным опытом последних десятилетий. Возьмём, к примеру, проблему политического устройства. Как показывают данные социологических исследований, российские граждане в полной мере разделяют доминирующую в современном мире приверженность демократии и демократическим ценностям. Соответственно, и для своей страны они не видят никаких других альтернатив, кроме развития демократических начал. При этом, однако, в российском обществе сложилось собственное понимание демократии, значительно отличающееся от принятого на Западе. Так, россияне полностью согласны с тем, что в стране должна существовать политическая оппозиция. Но в чём заключается та роль, которую они отводят ей в политической жизни? С точки зрения значительного большинства наших сограждан, задача оппозиции состоит не в том, чтобы критиковать правительство, а в том, чтобы... оказывать ему помощь. В ходе опроса, проведённого учёными ФНИСЦ РАН в марте 2022 г., такую точку зрения поддержало 70% респондентов, в мае 2023 г. — 63%, но примерно тот же порядок цифр фигурировал и в данных предыдущих исследований, начиная с середины 1990-х гг. Отсюда, очевидно, следует, что выработанная на Западе «маятниковая» модель демократии, когда у власти постоянно сменяют друг друга представители различных политических партий, не очень подходит россиянам. Для большинства из них многопартийность и чередование лиц у власти являются в лучшем случае лишь второстепенными признаками демократии, поскольку государство в российской ментальности выступает не столько как надстроечный механизм, регулирующий баланс групповых интересов и контролирующий соблюдение «правил игры», сколько как смыслополагающая инстанция, образующая, если можно так выразиться, экзистенциальный центр национального бытия, политические стратегии которого должны быть рассчитаны не на периодичность электоральных циклов, а на «длинные времена» (*longues durées*). Кроме того, российское понимание демократии предполагает, что государство должно отстаивать интересы всего народа, отдавая им безусловный приоритет перед частными и групповыми интересами (ФНИСЦ РАН, май 2023).

Отвечая на вопрос о том, какой они хотели бы видеть Россию будущего, наши сограждане чаще всего называет обеспечение социальной справедливости (45–50% ответов). Именно реальная социальная справедливость, а не какие-либо формальные политические процедуры, является главным критерием демократии по-российски. Но что означает «справедливость» в понимании россиян? Сразу же скажем, что, вопреки довольно распространённому стереотипу, она имеет очень мало общего с уравнительностью, а тем более со стремлением «всё отнять и поделить», которое пу-

блицисты «святых девяностых» приписывали русскому народу. Отвечая на вопрос, какие принципы должны соблюдаться в России будущего для того, чтобы её можно было назвать справедливым обществом, россияне называют, главным образом, базовые условия достойной жизни: равный доступ к медицинскому обслуживанию (61%), возможность получить желаемое образование (49%), хорошие рабочие места (47,2%), отсутствие массовой бедности (46,4%), возможность решить жилищные проблемы (45,6%). Около трети опрошенных хотели бы, чтобы различия в уровне жизни между людьми в России будущего были невелики, но, заметим: при этом лишь один из восьми высказывал пожелание, чтобы в обществе было мало богатых и один из семи — чтобы в этом обществе вообще не было неравенства и социального расслоения (ФНИСЦ РАН, май 2023). Таким образом, различия в социальном статусе и уровне благосостояния признаются неизбежными и необходимыми, но они подлежат регулированию и являются объектом социального контроля.

В известном смысле такие представления близки к той модели социального государства, которая осуществлялась после Второй мировой войны в Скандинавских странах — не случайно же эта модель была очень популярна у нас на излёте «перестройки», когда она активно рекламировалась в публичном информационном поле в качестве альтернативы советской системе. Тем не менее близость эта относительна в силу различий в понимании социальных функций государства. Так, несмотря на разочарования по поводу эффективности планового хозяйства советского образца, россияне остаются сторонниками ведущей роли государства в экономической жизни, причём в качестве не только регулятора, но и прямого собственника средств производства. Различные вопросы, позволяющие судить о том, какую модель экономики наши сограждане считают наиболее удачной, неоднократно включался в программу социологических исследований. Распределение мнений по этим вопросам позволяет сделать вывод о том, что россияне не возражают против существования частной собственности как таковой, но при этом их предпочтения склоняются не к западному капитализму, пусть даже и в скандинавской его ипостаси, а к отечественной модели НЭПа, когда основные природные ресурсы, энергетика, крупные предприятия машиностроения, ведущие вузы и научные учреждения («командные высоты», по Ленину) должны принадлежать государству (вариант: всему народу), тогда как финансовым сектором (за исключением пенсионных фондов), строительством, сельскохозяйственным производством могут управлять и государство, и частный капитал (*Горшков, Крумм, Петухов* 2011: 161–180). При этом частный капитал, как и во времена НЭПа, должен находиться «под присмотром» органов государственного контроля, а права частного собственника не должны превращаться в абсолюты: так, если деятельность каких-либо предприятий наносит ущерб государству, то, по мнению подавляющего большинства наших респондентов (72,4%), эти предприятия следует национализировать (ФНИСЦ РАН, май 2023). Идеологию свободного рынка в нашей стране в наибольшей степени поддерживает молодёжь (до 25 лет), но и в этой возрастной когорте её сторонники находятся в меньшинстве, потому надо полагать, что естественный процесс смены поколений не сможет изменить сложившиеся к настоящему времени взгляды российского общества на экономику, по крайней мере, — в обозримом будущем.

Следом за справедливостью в числе характеристик, которые наши сограждане называют в ответ на вопрос, какой они хотели бы видеть Россию будущего, упоминаются соблюдение прав человека, демократия, свобода самовыражения, сильная

власть, способная обеспечить порядок и успешное развитие страны, сохранение национальных традиций. В этом же ряду упоминается и «великая мировая держава». Каждая из названных характеристик оказалась приоритетной примерно у трети опрошенных. На первый взгляд может показаться, что данный результат свидетельствует о противоречивости общественного сознания, почти что в равной мере приверженного прямо противоположным друг другу ценностям — скажем, стремлению к сильному государству и одновременно к свободе индивидуального самовыражения. В самом деле, такое впечатление может сложиться, если мыслить только жёсткими антиномическими дизъюнкциями по принципу «или — или»: Запад — Восток, консерватизм — либерализм, традиционное — инновационное, ум — сердце, индивидуальное — коллективное, общество — личность и т. д. ... Однако такой способ мышления не является ни универсальным, ни единственно возможным: на практике такого рода противоположности нередко совмещаются, уравниваются, переходят друг в друга. Коль скоро речь идёт об отношениях между личностью и государством, личностью и обществом, обществом и государством, надо напомнить в этой связи о том специфическом социальном феномене, который А. С. Хомяков и некоторые его последователи называли *соборностью*, понимая под этим словом особую форму единства, при котором общее (коллективное) не подавляет свободную индивидуальность, а возникает как своего рода *хор* таких индивидуальностей, каждая из которых сохраняет собственный голос и ведёт свою собственную партию в согласии с другими голосами.

Хотя такую постановку вопроса можно подкрепить некоторыми примерами из истории России (самый яркий из них — Земский собор, избравший на царство Михаила Романова), в целом «соборность» на первых порах получила преимущественно умозрительное обоснование, что, разумеется, не могло не дать поводов для сомнений в его соответствии критериям научной основательности. Тем не менее, как это нередко бывает с умозрительными интуициями, в нём был заложен реальный смысл, который мог быть выявлен эмпирически и в каком-то смысле даже операционализирован. В частности, данные социологических исследований показывают, что абстрактная односторонность формально противоположных друг другу принципов и начал в социальной практике может нивелироваться благодаря периодическому смещению ценностных приоритетов, отражающему как смену политической обстановки, так и ритмическую динамику вкусов и настроений общества. Скажем, проведение специальной военной операции на Украине поначалу вызвало резкое увеличение доли респондентов, высказывающихся за обеспечивающую порядок и реализующую успешную стратегию развития страны сильную власть (с 31% в марте 2021 г. и до 40% в марте 2022 г.); но затем, по мере того как спецоперация становилась будничным делом, эта доля сократилась практически до прежнего значения — 32,7%. Соответственно, если в первые недели после начала СВО «сильная власть» оказалась вторым номером в рейтинге ценностей (после справедливости), то уже через год респонденты посчитали более важными права человека и демократию, а также сохранение национальных традиций, в результате чего запрос на сильную власть вновь сдвинулся вниз — на четвёртое место (данные ФНИСЦ РАН).

К настоящему времени из системы ценностей российского общества практически совсем выпало сравнительно недавно ещё очень важное для него партнёрство с Западом, дающее своего рода право на ощущение принадлежности к «цивилизованному

миру». Не то, чтобы такое партнёрство совершенно исключалось, но, по мнению значительного большинства граждан России, для её будущего это уже не имеет особого значения. Чего, однако, россияне точно хотели бы избежать в будущем, так это разрушения или коренной трансформации первичных социальных связей на уровне семьи и межличностных отношений. Конечно, в российских социокультурных средах преобладает намного более либеральный взгляд на такие отношения, чем в некоторых странах Востока, где индивид связан достаточно жёсткими семейными и клановыми обязательствами. В то же время российское общественное мнение существенно отличается от ситуации в странах Запада, где наблюдается устойчивая тенденция к полной автономизации индивидов. Должен ли человек, к примеру, заботиться о больных родителях? В Нидерландах абсолютно твёрдый утвердительный ответ на этот вопрос даёт чуть больше 2% респондентов, в Великобритании — 6,5%, а в России — 48,5%. Не считают же себя обязанными заботиться о родителях соответственно 54,3%, 45,6% и менее 6%. Видят в рождении детей свой долг перед обществом: в России 42,3% опрошенных, тогда как в Нидерландах 3,1%, а в Великобритании — чуть менее 11% (для сравнения приведём цифры по странам Востока: Турция — 50,0%, Пакистан — 79,2%). Несколько строже, чем в странах Запада, в России относятся к разводам и намного жёстче — к проституции и однополым связям. В России только 12,4% респондентов согласны или скорее согласны с утверждением, что однополая пара может быть хорошими родителями, тогда как в Великобритании и Германии — свыше 2/3 опрошенных, а в Канаде 72,3%. Очевидно, что в данном вопросе Россия стоит ближе к странам Востока: так, в Турции лояльно относятся к воспитывающим детей однополым парам 16,6% опрошенных, в КНР — 11,5%; правда, на Тайване, который уже несколько десятилетий находится в сфере влияния Запада, — 52,2% (7-я волна международных опросов World Value Survey, 2017–2022).

Следует отметить, что российское общество не просто «живёт как живётся», но ставит перед собой определённые цели на перспективу; иными словами, оно обладает целеполагающей субъектностью. И в принципе большинство россиян согласны с тем, что эти цели должны носить глобальный характер: судя по данным социологических опросов, против такой постановки вопроса высказывается лишь один из примерно 11–12 российских граждан (ФНИСЦ РАН 2023). Но в большинстве своём россияне отнюдь не стремятся занимать в мире какое-то исключительное положение и тем более диктовать миру свои правила. Вернуть статус сверхдержавы, который был у СССР, хотели бы где-то чуть более четверти граждан страны — главным образом, люди старшего возраста, тогда как более чем половину (52,6%) вполне удовлетворило бы положение одной из наиболее развитых мировых держав. Таким образом, когда российское руководство обосновывает и продвигает концепцию многополярного мира, оно, по сути дела, действует в унисон с настроениями основной массы населения страны.

Коренные перемены или стабильность?

Как мыслят себе наши сограждане «технологию» дальнейшего развития страны? Какие стратегии, с их точки зрения, лучше всего подходят для достижения желаемого будущего? Что кажется им более привлекательным — коренные перемены или стабильность и постепенность, новый разрыв со сложившимся положением вещей

или преемственность, продолжение того пути, по которому до сих пор шла страна? Накануне специальной военной операции на Украине противоположные мнения по этим вопросам имели в обществе почти паритетную поддержку: примерно половина россиян высказывалась за стабильность, а 47–48% за коренные перемены (Андреев, Андреев 2021). Эта последняя точка зрения была особенно распространена в самой младшей возрастной когорте (до 25 лет) и среди граждан с доходами выше средних. Однако быстрая консолидация общества, последовавшая за началом СВО, побудила приблизительно каждого четвёртого из числа граждан, высказывавшихся за радикальные перемены, изменить свою позицию на противоположную. К весне 2023 г. доля таких решительно настроенных граждан сократилась до 38%, тогда как доля их оппонентов, поддерживающих запрос на стабильность, исключаящую резкие разрывы постепенности, увеличилась почти до 62%. Накануне начала СВО 55% россиян придерживались мнения, что путь, по которому идёт Россия даст в перспективе положительные результаты, тогда как 45% считали, что он ведёт в тупик. Однако уже в марте 2022 г. доля граждан, оптимистично оценивавших нынешний путь развития страны, была зафиксирована на уровне 71%, а в мае 2023, через 15 месяцев после начала СВО, несмотря на все те трудности и внешнее давление, с которым столкнулась Россия, она поднялась ещё на 2,5 процентных пункта (данные ФНИСЦ РАН).

Прогресс и традиции

Образ будущего в сознании российского общества тесно связан с идеей прогресса. Как показывают данные социологических исследований, в российском менталитете прогресс является значимой ценностью. В рейтинге ценностно нагруженных понятий прогресс несколько уступает справедливости, свободе, правам человека, патриотизму, но находится выше солидарности, равенства и демократии. Однако следует отметить, что практически такой же значимостью для россиян обладает и традиция. Неоднократно проводившееся психосемантическое зондирование восприятия понятий ценностного ряда даёт следующий довольно примечательный результат: и слово «прогресс», и слово «традиция» вызывают положительные реакции у приблизительно 2/3 опрошиваемых, нейтрально воспринимаются почти что третью, а негативно — не более, чем одним или двумя респондентами из ста (Горшков, Петухов 2016: 142; Горшков, Петухов 2017: 135). Несложные арифметические выкладки показывают, что не менее трети респондентов в равной мере засвидетельствовали свои симпатии и к прогрессу, и к традициям, а это означает, что в их сознании названные понятия не противопоставляются друг другу.

Конечно, в различных социально-демографических группах реакции на названные понятия не одинаковы. У респондентов пенсионного возраста слово «прогресс» реже вызывает определённо выраженные симпатии и, наоборот, реакция на слово «традиция» чаще окрашена положительными эмоциями, чем у молодёжи. И всё же различие состоит совсем не в том, что одни в большинстве своём не приемлют прогресса, а другие, напротив, отвергают традиции. На самом деле и в той, и в другой возрастной группе уровень негативных реакций на слова «прогресс» и «традиция» составил всего 2–3%; подавляющее же большинство респондентов, у которых эти понятия не вызвали отчётливо положительного отклика, не испытывают к ним и антипатии, а воспринимают их просто нейтрально.

Примечательно, что россияне очень не любят понятие «консерватизм», под которым в обиходе обычно понимают упорное противодействие всему новому как таковому. Психосемантическое зондирование показывает частоту положительных реакций на данное понятие на уровне всего 11% при 19% отрицательных (баланс: -8%, 60% реакций — нейтральные). И тем не менее, отвечая на вопрос, что важнее — инициатива, предприимчивость, поиск нового и готовность к риску или уважение к сложившимся традициям и обычаям, следование привычному для большинства, россияне очень часто предпочитают второй вариант ответа. Причём в последнее время наметилась тенденция к росту данного показателя. Если на протяжении 2000-х и 2010-х гг. его значение не превышало 55–57%, а иногда опускалось и ниже 50%, то к весне 2023 г. оно пересекло отметку 63% (ФНИСЦ РАН, май 2023). Мы понимаем, что эти данные (как, впрочем, и некоторые другие) дают, на первый взгляд, отличный повод для того, чтобы разделить россиян на активных и пассивных, на «людей модерна» и безнадёжных традиционалистов, а заодно и порассуждать о неискоренимом российском патернализме, нежелании распорядиться собственной судьбой и противоречивости общественного сознания. Однако, если рассматривать альтернативу «уважение к традициям — предприимчивость, поиск нового» не саму по себе, а в контексте мнений по широкому кругу социальных вопросов (мы имеем в виду в том числе и обсуждавшийся выше запрос на перемены), становится понятно, что речь здесь должна идти совсем о другом.

С одной стороны, простой здравый смысл подсказывает россиянам, что нет смысла менять привычное на новое только потому, что оно... *новое* и «опирается на передовой зарубежный опыт». На самом деле российское общество вовсе не против инноваций, а возражает лишь против их возведения в некий новоявленный культ, а также против того конвульсивного стиля реформаторской деятельности, который страна испытала на себе в 1990-е годы (а в отдельных случаях и позже — достаточно сослаться хотя бы на печальный пример внедрения в российском образовании так называемой Болонской системы или на попытку монетизации льгот). Коллективный опыт последних десятилетий выработал в обществе недоверчивое отношение к практикам хаотичной имитационной модернизации, и это находит своё отражение в эмоциональных реакциях на постоянно используемые для их обоснования понятия и идеологемы. Своего рода эмоциональное выражение разумной настороженности при восприятии определённых сигналов...

Однако у вопроса о том, почему инициативность и предприимчивость не выступает в социальном мышлении россиян как ценностная антитеза традиционализма, есть и ещё одна сторона. Это наличие в российской политической культуре особого механизма реактуализации традиций. Скажем, в современной России возрождён целый ряд ритуалов и символов как Российской империи, так и советского времени, которые без особых проблем сочетаются и друг с другом, и с новыми традициями, возникшими или легитимированными уже после 1991 г. Хотя в зарубежной, да и в российской, печати данное сочетание нередко оценивалось как парадоксальное и эклектическое, мы полагаем, что суть дела здесь не в смешении стилей (что обычно считается признаком эклектики), а в реаранжировке и включении традиций в новые смысловые контексты, благодаря чему, отсылая нас к реминисценциям исторической памяти, они в то же время становятся генераторами новых смыслов и специфическими источниками инноваций.

Происходившее в России на рубеже XX и XXI вв. преодоление глобалистских увлечений и возвращение к аутентичным ценностям, которое сказалось не только на настроениях большинства населения, но и на поведении политических элит, привело к формированию особой модели развития. Поскольку в ней значительную роль как раз и играет механизм реактуализации традиций, мы в своё время предложили назвать эту модель *традиционалистской модернизацией* (Горшков, Петухов 2016: 153; Горшков, Петухов 2017: 138). Хотя традиционалистская модернизация имеет в России свои особенности, её, тем не менее, нельзя назвать уникальной; некоторые аналогии и параллели этому можно, в частности, найти в китайских социальных и политических практиках — например, когда на формулировки очередных задач развития страны накладывается смысловая матрица конфуцианских социальных идеалов (Лукьянов, Переломов 2003). Понятно, что социальной базой традиционалистской модернизации является в первую очередь старшее и среднее поколения как носители определённого жизненного опыта, обеспечивающего непосредственную «связь времен». Но не забудем, что социализация сегодняшних «традиционалистов» проходила в атмосфере увлечённости перспективами начавшейся в 1950-е гг. научно-технической революции, а это наложило очень характерный отпечаток на их менталитет, выработав у них отчётливо «прогрессистские» ценностные установки. Способность занимать и удерживать позиции одного из наиболее передовых по уровню и динамике развития государств современного мира для этого поколения была и остаётся главным критерием оценки политического курса правительства страны, несоответствие которому становится источником глубокого недовольства.

Вообще, если отвлечься от политических переворотов и эпизодов смены общественного строя, то главным фактором, создающим отличия будущего от настоящего, в глазах россиян выступает расширение научных знаний и развитие технологий. В этом плане у разных поколений россиян нет значительных расхождений. При этом они заметно реже, чем население Евросоюза, ощущают дискомфорт от стремительности изменений: на это жалуется менее половины российских респондентов, тогда как, например, во Франции 57%, в Швеции 61%, в Польше 76%, в Испании 78% (Special Eurobarometer 2013: 91; Публичный отчёт 2016: 16). Но важно, что россияне старшего и среднего возраста соотносят научно-технический прогресс преимущественно с преобразованием нашего предметного окружения, ставя субъектность человека-демиурга как бы над этим процессом и придавая ей естественный (вариант: божественный) характер — в том смысле, что человеческая природа как таковая сама по себе не является артефактом. Эту позицию разделяет и значительная часть российской молодёжи; однако в младших возрастных когортах отчётливо наметилась и другая позиция, допускающая использование научных знаний и технических средств для произвольной модификации естественных характеристик человека, связанных с его личной идентичностью. Вот, к примеру, как эти различия проявляются в распределении мнений по поводу недавно принятого закона о запрете на смену пола: его принятие поддерживает 75% россиян, а в возрастной группе 60+ даже 85%, но среди молодёжи 18–24 лет значение этого показателя падает до 51%, причём более половины из них активно высказываются против закона, считая, что гендерная принадлежность определяется не природой, а личным желанием и самоощущением индивида (Аналитический обзор 2023). Этому факту пока трудно дать чёткую оценку: неясно, сказывается ли

здесь юношеский максимализм (с возрастом пройдет), тяга к чему-то необычному, некритически доверчивое восприятие циркулирующей в СМИ информации или что-то ещё. Но во всяком случае здесь есть проблема, и при определённых условиях она может вылиться в культурно-психологический разрыв между поколениями, создавая на будущее угрозу преемственному развитию российской цивилизации.

Российская модель развития: историческая перспектива

Оценивая перспективы развития страны, россияне в большинстве своём высказываются с твёрдой надеждой на лучшее. И хотя им вовсе не чуждо чувство страха перед неопределённостью будущего (никогда не испытывала этого чувства только пятая часть опрошенных), всё же 70% наших сограждан выражает уверенность в том, что нынешние дети будут жить лучше старших поколений (ФНИСЦ РАН, май–июнь 2023). Надо сказать, что и зарубежные СМИ в последнее время всё чаще вынуждены признавать неожиданные для них российские достижения в промышленности и промышленном импортозамещении, науке и образовании, внедрении цифровых технологий, развитии аграрного сектора, освоении Арктики, конструировании эффективных образцов вооружения и оснащении ими армии и флота. Обычно делается это крайне нехотя, а успехи России пытаются объяснить неким случайным стечением обстоятельств. Конечно, такая трактовка объясняется прежде всего установками так называемой «культуры отмены». Но, вместе с тем, приходится признать, и недостаточную проработанность концептуальных основ противопоставляемой Западу российской модели развития, расплывчатость сопрягаемых с ней образов будущего. Не могут, в частности, не вызвать возражений некоторые типологические модели цивилизационных различий. Возьмем, к примеру, трактовку западного типа цивилизационного развития как секулярно-гуманистического, а противостоящего ему типа как религиозно-традиционалистского (*Карпович, Смагина 2023: 54–55*): очевидно, что в её основу положены разные логические основания, да к тому же вся гуманистическая струя русской культуры здесь уже по определению выводится за рамки анализа российской модели развития. Нельзя согласиться и с нередко проскальзывающим в российских публикациях имплицитным отождествлением традиционализма с консерватизмом. Такое отождествление, по существу своему логически некорректное, независимо от субъективных намерений допускающих его авторов, создаёт ассоциации, способствующие интерпретации российских социальных представлений и практик как выпадающих из трендов современности и даже архаических, хотя, как мы показывали выше, в российской культуре и массовом сознании уважение к традициям и традиционным ценностям сочетается с сильными модернизационными устремлениями, опирающимися на приверженность научно-техническому прогрессу. Российский цивилизационный проект, безусловно, содержит в себе тот момент «хранительной мудрости», о котором говорил когда-то Н. М. Карамзин (*Карамзин 1991: 63*), но «хранительная мудрость» имеет здесь не столько абсолютное (как для консерватизма в собственном смысле слова), сколько функциональное значение — как фундамент идентичности и одновременно как один из инструментов конструирования будущего (посредством реактуализации традиций).

В сегодняшнем мире складывается совершенно новая, но логичная для эпохи постмодерна, ситуация самоопределения цивилизаций, предполагающего их функ-

циональную специализацию и выбор из нескольких возможных «парадигм современности» — если угодно, из нескольких различных способов «быть современным» (Андреев 2015). Осуществляя такой выбор, Россия концептуально артикулировала повестку традиционалистской модернизации, тем самым заявив о себе как о центре консолидации политических сил, не принимающих продвигаемую Западом повестку дня неолиберального глобализма. Поэтому на перспективы развития нашей страны надо смотреть не только глазами самих россиян, но и глазами всего международного сообщества. Ведь выбор, осуществляемый в условиях конкуренции глобальных цивилизационных проектов, в значительной мере мотивируется той исторической перспективой, которую он в конечном счёте сулит, а значит успех России означает и успех предлагаемой ею модели развития. Проектирование и созидание будущего России ныне становится уже не только её собственным внутренним делом, но и фактором глобального порядка. По существу, наша страна вновь выступает в той же роли «дизайнера будущего» и генератора новых исторических смыслов, в которой она явилась за столетие до этого — в октябре 1917 г. Смысловым стержнем российского проекта будущего является, с одной стороны, сохранение и воспроизводство культурного многообразия человечества, а с другой стороны — удержание развития цивилизации в рамках гуманистической парадигмы, исключающей несовместимые с естественной природой человека «постчеловеческие» и, возможно, античеловеческие перспективы, которые порождают всё шире укореняющиеся на Западе манипулятивные практики произвольного конструирования идентичностей.

Источники и материалы

Аналитический доклад 2000 — Аналитический доклад по результатам социологического исследования «Россияне о судьбах России в XX веке и своих надеждах на XXI век». М.: Российский независимый институт социальных и национальных проблем, 2000 (не опубликовано).

Аналитический обзор 2023 — Аналитический обзор ВЦИОМ. 2023, 17 июля. // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ): [сайт]. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/smena-pola-za-i-protiv?ysclid=lmk85zsdlg713878604> (дата обращения: 20.10.2023)

Публичный отчёт 2016 — Публичный отчет по результатам социологического исследования поведенческих и институциональных предпосылок технологического развития регионов РФ. М.: РВК, Московская высшая школа социальных и экономических наук, 2016. 102 с. ФНИСЦ РАН — Материалы опросов и исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра (ФНИСЦ) РАН.

Special Eurobarometer 2013 — Special Eurobarometer 401. 2013. Responsible Research and Innovation (RRI), Science and Technology. Report. Brussels: Directorate-General for Communication. <https://www.genderportal.eu/resources/special-eurobarometer-401-responsible-research-and-innovation-rri-science-and-technology>

Научная литература

Андреев А. Л. Специализация цивилизаций и аттракторы мирового развития // Общественные науки и современность. 2015. № 1. С. 139–147.

Андреев А. Л., Андреев И. А. Россия-2021: переживание настоящего и взгляд в будущее // Социологические исследования. 2021. № 8. С. 82–92. <https://doi.org/10.31857/S013216250015258-6>

- Горшков М. К., Крумм Р., Петухов В. В. (ред.). Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров) / М. К. Горшков [и др.]. М.: Весь мир, 2011. 304 с.
- Горшков М. К., Петухов В. В. (ред.) Российское общество и вызовы времени. Книга 4 / М. К. Горшков [и др.]. М.: Весь мир, 2016. 400 с.
- Горшков М. К., Петухов В. В. (ред.) Российское общество и вызовы времени. Книга 5 / М. К. Горшков [и др.]. М.: Весь мир, 2017. 427 с.
- Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. 127 с.
- Карпович О., Смагина Л. Концепция традиционных духовно-нравственных ценностей в международных отношениях: российский подход // *Международная жизнь*. 2023. № 1. С. 54–65.
- Лукьянов А. Е., Переломов Л. С. Из истории идеологии сяо кан // *Проблемы Дальнего Востока*. 2003. № 3. С. 26–38.
- Просеков С. А. Восприятие времени в европейской и китайской культурах // *Философские науки*. 2020. № 12. С. 47–67.
- Urry J. *What is the Future?* Cambridge: Polity Press, 2016. 226 p.

References

- Andreev, A. L. 2015. Spetsializatsiia tsivilizatsii i attraktory mirovogo razvitiia [Specialization of Civilizations and Attractors of World Development]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* 1: 139–147.
- Andreev, A. L. and I. A. Andreev. 2021. Rossiia-2021: perezhivanie nastoiashchego i vzglyad v budushchee [Russia-2021: Experiencing the Present and Looking into the Future]. *Sociologicheskie issledovaniya* 8: 82–92. <https://doi.org/10.31857/S013216250015258-6>
- Gorshkov, M. K. and V. V. Petukhov (eds.). 2016. *Rossiiskoe obshchestvo i vyzovy vremeni* [Russian Society and Challenges of the Time]. Book 4. Moscow: Ves' mir. 400 p.
- Gorshkov, M. K. and V. V. Petukhov. (eds.). 2017. *Rossiiskoe obshchestvo i vyzovy vremeni* [Russian Society and Challenges of the Time]. Book 5. Moscow: Ves' mir. 427 p.
- Gorshkov, M. K., R. Krumm and V. V. Petukhov (eds.). 2011. *Dvadsat' let reform glazami rossiian (opyt mnogoletnikh sotsiologicheskikh zamerov)* [Twenty Years of Reforms Through the Eyes of Russians (The Experience of Many Years of Sociological Measurements)]. Moscow: Ves' mir. 304 p.
- Karamzin, N. M. 1991. *Zapiska o drevnei i novoi Rossii v eyo politicheskom i grazhdanskom ot-nosheniakh* [A note on Ancient and New Russia in Its Political and Civil Relations]. Moscow: Nauka. 127 p.
- Karpovich, O. and L. Smagina. 2023. Konceptsiia traditsionnykh dukhovno-nravstvennykh tsen-nostei v mezhdunarodnykh otnosheniakh: rossiiskii podkhod [The Concept of Traditional Spiritual and Moral Values in International Relations: The Russian Approach]. *Mezhdunarod-naia zhizn'* 1: 54–65.
- Luk'ianov, A. E. and L. S. Perelomov. 2003. Iz istorii ideologemy syao kan [From the History of the Ideology of Xiao Kang]. *Problemy Dal'nego Vostoka* 3: 26–38.
- Prosekov, S. A. 2020. Vospriiatie vremeni v evropeiskoj i kitaiskoi kul'turakh [Perception of Time in European and Chinese Cultures]. *Filosofskie nauki* 12: 47–67.
- Urry, J. 2016. *What is the Future?* Cambridge: Polity Press. 226 p.